

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ПОЗИЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ*

А.А. Гриценко,
Институт географии РАН

Обсуждаются вопросы, связанные с изучением региональной идентичности в России, более подробно применительно к российскому пограничью. Дается краткое изложение развиваемого автором подхода, раскрываются методологические проблемы исследования идентичностей в пограничьях. Показывается глубокая интерференция разнообразных факторов и предпосылок для региональных идентичностей на материалах проведенных исследований.

Ключевые слова: региональная идентичность, пограничья, Россия, Украина, Беларусь.

Региональные идентичности (РИ) играют существенную роль в жизни российского общества. Отражая и определяя многие аспекты постсоветских трансформаций, региональные идентичности способствуют не только становлению и сплочению гражданского общества, но и выстраиванию определенных отношений с соседями. Последнее для России важно с точки зрения реализации потенциала трансграничного сотрудничества, развития межрегиональных и межнациональных связей, в процессы которых активно включены местные сообщества, проживающие вблизи государственных границ.

Российские границы («диады границ»)

представляют собой взаимосвязанные звенья единой системы внешних и внутренних рубежей, отделяющих Россию от ближайших соседей и партнеров, в том числе на Западе. Они маркируют территориальный суверенитет, способствуют формированию ментальных и культурных границ в обыденном сознании. Однако отдельные отрезки государственных границ России имеют неодинаковую степень открытости, проницаемости, контрастности и выполняют подчас разные функции, что, безусловно, сказывается на характере социально-экономического поведения местных сообществ, их повседневного быта, активности, идентичности.

* Публикация содержит результаты исследований, проведенных при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты РГНФ №12-01-18066 «Этнокультурный ландшафт и историческая память в региональной идентичности соседних районов России и Украины» и №13-01-00050 «Пространство региональных идентичностей соседних районов Украины и России: историческая память и этнокультурные ситуации»), руководитель М.П. Крылов).

Не секрет, что многие участки современных границ России нередко складывались стремительно, стихийно, подчас без учета исторических предпосылок. В результате целые регионы, связанные общей традицией, оказались расчлененными границами фактически «по живому». Новые и старые политические границы очерчивали рубежи и становились своеобразными культурными маркерами, нередко барьерами. С привнесением идеологической составляющей в процессы самоидентификации населения эти маркеры в XX веке усилились. Строительство национальных республик и государств, борьба за формирование национальной идентичности создали на постсоветском пространстве почву для многих этнополитических трений и территориальных претензий на разных уровнях, не утихающих до сегодняшнего дня.

Какими сегодня являются местные идентичности, как способствуют реализации национальных программ развития, какой именно потенциал в себе несут? – вот лишь несколько из многих возможных вопросов, на которые важно дать ответы в этой связи.

Однако, не ставя такой задачи для данной статьи, коротко остановимся на некоторых ключевых сюжетах, связанных с РИ вблизи государственных границ, а также на авторском видении подходов к их исследованию.

Авторское понимание феномена региональной идентичности

Наше понимание РИ не выводится из характера развития определенных региональных институтов, институтов управления, сетевых структур гражданского общества, как это нередко встречается в европейской научной практике, например в известных работах А. Пааси. Оно в основном опирается на известные в науке и бытующие в народе понятия «малой родины», «своей земли», «своего края», «землячества». Тесно переплетенные между собой, они связаны с особым чувством приверженности и любви человека к определенной территории, гордости за нее.

В качестве исходного определения в своих исследованиях мы используем следующее: «*региональная идентичность* – это системная совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [10]. Являясь социальным феноменом, феноменом культуры в самом широком смысле, РИ характеризуют многие черты повседневной жизни населения, особенности их ментальности и мировосприятия.

РИ – это и процесс самоидентификации населения, и его результат. Выделяются индивидуальная и коллективная идентичности. Однако вопрос о переходе между ними весьма сложный и неоднозначный. По понятным причинам коллективная идентичность не является простой совокупностью, суммой индивидуальных идентичностей. Но РИ во многом – самостоятельный феномен. Именно на индивидуальном уровне, на уровне носителя определенной РИ формируется и раскрывается ее содержание, обнаруживаются характерные и отличительные черты.

РИ сопряжена с понятиями «укорененность» и «культура укорененности» и предполагает развитую пространственную рефлексию. Установлено, что хранителями и трансляторами «духа места» являются не только местные по рождению, но и местные по убеждению, которые восприняли стереотипные установки местного сообщества как свои собственные. Исследования показали, что суммарно таких представителей местного сообщества в каждом населенном пункте приблизительно от 80 до 85 % [11]. В то же время доля местных по рождению составляет 50–55 %, что соответствует «современному обществу», в отличие от «традиционного общества» [16, с. 31].

Культура укорененности тесно связана с культурой мобильности, мотивированностью и желанием людей жить и трудиться на своей территории. Взаимодействие культуры мобильности и культуры укорененности может приводить к появлению маргинальных форм самоидентификации. Зафиксирована, в частности, довольно значительная (но никак не доминирующая)

щая!) прослойка лиц, считающих, что у них нет малой родины; в их числе обнаружена категория лиц, которые «не испытывают привязанности к какому-либо месту», а также категория лиц, которые «всю жизнь прожили на одном месте, но предпочли бы уехать оттуда». По Воронежской, Вологодской и Ярославской областям указанная прослойка оставляет приблизительно 8–13 %, и лишь в Костроме была зафиксирована относительно повышенная доля лиц с подобной маргинальной самоидентификацией – 18 % [11].

Материалы исследований М.П. Крылова опровергают распространенное мнение о том, что ослабление «чувства места» и местного патриотизма связано с миграциями населения. В данном случае, применительно к феноменам «местных по убеждению» и «не имеющих малую родину», по-видимому, можно ставить вопрос о существовании определенных тонких механизмов биосоциальной и культурной адаптации к среде обитания.

Содержание и структура РИ в основном сводятся к двум взаимосвязанным составляющим: «*пространственной самоидентификации*» и «*местному патриотизму*». Можно говорить об определенной «силе» региональной идентичности, измерение которой предложил М.П. Крылов. Он утверждает, что сила региональной идентичности чаще относится к местному патриотизму, который первичен по отношению к пространственной самоидентификации. Чем больше в городе патриотов, тем с большей вероятностью формируется свой неформальный регион, например Арзамасский край.

Однако наши исследования не подтверждают этого в полной мере и свидетельствуют скорее о равновесности местного патриотизма и пространственной самоидентификации. Сила региональной идентичности для пространственной самоидентификации выражается в величине территориальных пределов малой родины, с которой идентифицирует себя индивид, а также в установках, связанных с восприятием соседних территорий. Нами было замечено, что сила идентичности

(ее энергетика) находится в зависимости, с одной стороны, от людности поселения, а с другой стороны, от местных исторических, ландшафтных и социокультурных факторов – характера исторической памяти населения, историко-культурного облика городов, их истории, культурного наследия и природного окружения, пейзажной составляющей. Эти факторы стимулируют развитие территориального самосознания, в том числе развитие местного патриотизма, у которого имеются, однако, также и собственные внутренние импульсы развития.

Сила пространственной составляющей РИ наиболее высока в средних и малых исторических городах, таких как, например, Рыльск в Курской области или Трубчевск в Брянской области, которые могут считаться «оптимальными» с точки зрения развитости местной идентичности. Население подобных городов часто включает в свой неформальный край окружающие поселения (города и поселки), расположенные, в том числе, на довольно значительных расстояниях. Кроме того, этому краю нередко присваивается определенное название, как правило, производное от имени своего города и в противовес областному центру.

В то же время в крупных городах (уровня областных центров), в гипертрофированно индустриальных городах (например в белгородской Алексеевке), а также в поселках, в том числе в поселках городского типа, в большинстве случаев пределы малой родины у местного населения включает только свой город/поселок. Таким образом с отклонением величины населенного пункта от оптимального сила такой РИ уменьшается. Таковую закономерность на уровне пространственной самоидентификации мы связываем с космополитическим, в каком-то смысле, сознанием в крупных городах и «местечковым» сознанием в малых поселениях. Предположительно, этот же механизм определяет значимость для индивида того или иного уровня самоидентификации (локальной, национальной и др.), если допускать, что территориальные идентичности организо-

ваны иерархически. В таком случае для жителей Курска, например, более значимой окажется идентичность со своим городом и лишь только потом с Россией и Курской областью (Курским краем), а для курского Рыльска – с Курским краем, с Россией и затем со своим городом [4].

Говоря о местном патриотизме, следует упомянуть о его двух разновидностях – «природном патриотизме» и «просвещенном патриотизме», выделенных на основе переосмысления работ З.В. Сикевиц [14]. Их культурный смысл раскрывается через отношение людей к поговоркам «с родной земли умри – не сходи» и «где ни жить – лишь бы сыту быть». Согласие с первой поговоркой – это «природный патриотизм», а несогласие со второй – «просвещенный патриотизм». Обе разновидности местного патриотизма используется для расчета предложенного М.П. Крыловым интегрального индекса региональной идентичности, совмещающего характеристики местного патриотизма и силы региональной идентичности. Показатель этого индекса довольно сильно варьируется от места к месту, от города к городу, от региона к региону, что говорит о пространственной зависимости и пространственной вариативности РИ.

М.П. Крыловым [11] зафиксировано три вполне автономных аспекта или *ракурса региональной идентичности*, по-разному характеризующих отношение местных сообществ к традиции. Каждому ракурсу соответствует своя идентичность. Они были названы следующим образом: транстрадиционная идентичность, традиционалистская идентичность и надтрадиционная идентичность. Данным идентичностям присущи свои собственные императивы, хорошо формулируемые в терминах местного патриотизма: *надтрадиционная* – «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые» – поэтому я выбираю тот город, где живу»; *транстрадиционная* – «мы любим свою землю, наш край, потому что это –

наша земля»; *традиционалистская* – «мы лучше других, потому что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы другие».

Можно заметить, что только традиционалистская и надтрадиционная идентичности имеют жесткую привязку к «другому», к жесткой оппозиции «мы-они», что благодаря наличию «другого» выстраивается своя собственная идентичность. В то же время транстрадиционная идентичность направлена как бы вовнутрь, в себя, она более терпима и, в конечном счете, более толерантна. Соответственно, менее толерантной оказываются идентичность, сопряженная с архаикой, «излишней» ориентацией на фольклор и сельский образ жизни, а также связанные с ускоренным и, возможно, несбалансированным социально-экономическим развитием.

Этот тезис, как представляется, может быть проиллюстрирован современной ситуацией в Украине, где соединились традиционалистские ценности Галиции с попытками ускоренной европеизации (вхождения в состав ЕС), облаченными высокомерием к «слабо продвинутым» относительно западных ценностей, советизированным (как, по-видимому, это видится из Западной Украины) юго-восточным регионам Украины (Донецкая и Луганская области).

Представляется весьма существенным то, что, по материалам массовых опросов¹, описанные ракурсы идентичности обнаружили зависимость от уровня образования респондентов, при этом этнически ориентированные традиционалистские формы идентичности ослабевают при увеличении уровня образования респондентов [11, с. 138]. Это может служить серьезным общенаучным аргументом при обсуждении эффективности, устойчивости и прогрессивности конкретных моделей построения «гражданской нации» и «нациестроительства», если говорить о макрорегиональном и национальном уровне. Соответственно, воз-

¹ Опросы проводились в рамках гранта РФФИ № 01-06-80362, при участии специализированных учреждений: НКЦ ЦЭМИ РАН, ныне – Институт развития территории РАН, г. Вологда; Института общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж; Исследовательской компании Социс, г. Ярославль.

можно существование ряда противоречий, в особенности между чисто этническими формами идентичности и другими формами идентичности, которые трактуют культурную традицию более широко. Вероятно, поэтому, формы идентичности, выражающие «Национальное Возрождение» (в частности в России, Украине, Беларуси и других странах), могут быть совершенно разными.

В пространственной самоидентификации огромную роль играют факторы исторического развития. РИ формируется в рамках «исторических регионов», «исторических провинций», которые выполняют в самоидентификации активную, стимулирующую функцию. В отличие от Западной Европы, в которой региональная идентичность формировалась на базе именно таких регионов, например, эльзасская, баскская, баварская идентичности или идентичность исторически пограничного региона Шлезвиг-Гольштейн, в России (и, как показывают исследования, также в Беларуси и в Украине, но в несколько меньшей степени) доминирует *полицное устройство*. Регионы здесь исторически формировались вокруг городов, и названия им давались от их имени.

В российском территориальном устройстве, по крайней мере в Европейской России, в целом наблюдается преемственность. Другой вопрос о том, в каких границах сохранялась преемственность ввиду многочисленных реформ территориального устройства в России. И здесь, как представляется, большую роль играет продолжительность времени пребывания определенных городов и поселений в пределах одноименного территориального образования. В таком случае более четким для идентичности будет выступать ядро исторического региона, в то время как его периферия будет в значительной мере размыта в сознании населения. В Западной Европе ментальные границы регионов имеют в коллективном сознании, как правило, более определенный характер.

Не стоит упускать из виду также и факт определенной культурной инерционности, факт трансляции стереотипов от поколения к поколению. Так, губернская сетка времен Екатерины II, просуществовавшая от полутора до двух столетий без изменений, как бы «врезалась» в сознание населения. До сих пор эта сетка (сильно измененная в XX веке) проступает в качестве культурных рубежей. Особенно это заметно в регионах, появившихся на политической карте относительно недавно, таких как Брянская, Белгородская или Липецкая область. Наши исследования фиксировали сохранение памяти о курских корнях у населения западной части Белгородской области, а у населения восточной части – воронежских корней. На востоке Брянской области распространена, хотя не столь значительно, память об Орловской губернии. Респонденты нередко отвечали, что их неформальным регионом является Орловский край.

На похожие закономерности обратил внимание А.Г. Манаков. Он вместе с псковскими социологами подробно изучал характер использования местными жителями самоназвания «скобарь»², считающегося в Псковской области своеобразным символом местного патриотизма. Ими было установлено, что только в псковском историко-культурном ядре, которое восходит к средневековой Псковской земле, это самоназвание используется почти повсеместно (около 75 % населения этого культурного ядра) [12]. М.П. Крыловым проведено изучение использования выражения «тамбовский волк» – как однозначно положительного для жителей бывших Тамбовской губернии и Тамбовской (существовавшей до губернии) провинции, как отрицательного – для жителей соседних территорий.

Однако, безусловно, процессы размытия старых губернских идентичностей продолжаются, а на их месте формируются новые идентичности, соответствующие

² По версии, которую разделяет большая часть исследователей, самоназвание «скобарь» произошло от слова «псковский». Такой фонетический переход стал возможным благодаря местным цокающим говорам.

современному территориальному устройству. Тем не менее, память о прежнем губернском делении пока еще довольно устойчива. В свое время известные историки академики А.Д. Градовский и Ю.В. Готье писали о том, что в течение XV–XVII веков, в условиях отсутствия административных единиц регионального ранга люди сохраняли память о территориях и границах древних княжеств («земель»), а в течение XVIII века – память об обширных доекатерининских уездах.

Существует, однако, противоположное мнение, высказанное Л.В. Смирнягиным. Он полагает, что местное самосознание в России подавлено, не развито, аспатиально (т.е. внепространственно) или просто находится в спящем, дормантном состоянии. Он утверждает, что у россиян равнодушие к месту перетекает в равнодушие к границам, из-за чего русский человек «отдается рубежам, которые для него устанавливает государство, и безропотно адресует свой местный патриотизм тем губерниям, областям или краям, которые выкраивают на карте российские власти» [15].

Конечно же, исторические границы и культурно-этическая привязанность, настроенность и расположенность к своему родному месту по причине рождения в нем и/или проживания не ограничивают спектр мотивов региональной самоидентификации. Существует еще много факторов, стимулирующих местное самосознание и через которые можно раскрыть суть местных идентичностей. Значительную роль играют факторы этнокультурного разнообразия, исторической памяти, политические и идеологические факторы, символические маркеры, местные дискурсы и нарративы. Данные факторы вместе с историческими играют наиболее заметную роль в формировании региональных идентичностей в пограничьях, вблизи государственных границ, где идентичности выражены особенно резко.

Методы и подходы

Мы ориентируемся на использование двух основных групп методов – методов полевых исследований и социологиче-

ских методов.

Полевые методы. Для изучения РИ очень важно погрузиться в местный контекст, увидеть своими глазами культурный ландшафт, провести личные встречи и интервью с местными жителями для того, чтобы глубже проникнуть в суть, понять содержание условий и среды места, в котором формируется самосознание населения. Этим методом, например, повсеместно пользуются этнографы, проводя свои исследования. Кроме того, метод дает возможность обнаружить часто скрытые от взора факты, стимулирующие местное самосознание или позволяющие раскрыть смысл отдельных черт коллективного сознания. К таким фактам, например, относятся архитектурные вкусы и предпочтения населения, монументы и памятники, установленные по инициативе снизу, граффити и другая символика. Также сюда нужно отнести местные говоры и диалекты, различные речевые особенности населения, которые являются сильнейшими маркерами для местных идентичностей (факторами самоидентификации являются не только языки и диалекты, но и любые местные говоры вообще). Конечно же, важным источником информации служат местные музеи и экспозиции, выстраивающие определенные, часто исключительно местные, дискурсы, транслируемые посетителям данных музеев.

Сеть краеведческих музеев на всем постсоветском пространстве очень обширная. Почти в каждом более или менее крупном районном центре есть краеведческий музей, а в более мелких центрах действуют краеведческие отделы в районных и городских библиотеках, сеть которых еще более разветвленная. Как бы это ни казалось странным, но именно местные жители, являются посетителями этих музеев и экспозиций, а не туристы или жители соседних регионов.

Социологические методы. Среди исследователей распространено мнение, что только массовые опросы населения являются адекватными по отношению к описанию общественных процессов. При этом, как правило, упускается из виду,

что опросы отражают лишь мнения людей, ситуативность которых остается неизвестной величиной.

Во-первых, массовые опросы в основном используют квотные выборки. Однако не все детерминируется полом и возрастом респондентов. Количественные исследования, которые были проведены в регионах Европейской России по единой методике несколькими вышеуказанными социологическими учреждениями из Ярославля, Вологды, Воронежа, а также Твери показали, что РИ мало зависит от возраста и пола респондентов. На *коллективном* уровне она в значительной степени определяется условиями городов и регионов – как очевидными и понятными исследователю (допустим, культурно-историческим наследием), так и чисто местными обстоятельствами, далеко не прозрачными для исследователя.

Весьма информативными с точки зрения описания РИ оказались методы качественной социологии, а именно интервьюирование и анкетирование экспертов. Результаты применения этих методов хорошо дополняют (и проверяют!) результаты использования количественных социологических методов, основанных на массовых опросах.

Во-вторых, массовые опросы вызывают настороженность в силу их почти полной географической нерепрезентативности, по крайней мере, в страновом разрезе. В лучшем случае социологи отдельно учитывают население городов и сельской местности. Например, выглядят совершенно неубедительными результаты опросов по всей России в 1 500 – 2 000 человек, значительная часть которых являются жителями Москвы и Санкт-Петербурга, а оставшиеся – представителями других (механически отобранных) регионов. По-видимому, должно уделяться большее внимание обоснованию выбора ключей.

Кроме того, чтобы обеспечить какую-либо пространственную репрезентативность количественных социологических исследований, в частности применительно к РИ, нужно, по крайней мере, *знать территориальные рамки* для их проведе-

ния (на языке статистики это формулируется следующим образом: для обоснования выборки нужно хотя бы приблизительное знание генеральной совокупности). Однако в случае с РИ в России *эти территориальные рамки, как правило, сами являются искомой величиной*.

Важную роль часто играют определенные, априори не очевидные, слабо формализуемые личные качества респондентов, особенно когда речь идет об *идентичности* респондентов. Учесть их позволяют качественные методы социологии. В них первоочередное внимание уделяется «внутреннему-субъективному» (смыслы, значения и т.д.), а не «внешнему-объективному» и на первый план выходят интерпретация и сравнение. Построение выборки при этом носит целеориентированный характер. Проблема надежности получаемых таким образом данных обеспечивается, в отличие от количественных методов, построением своего рода мини-теории, где данные оказываются репрезентативными только по отношению друг к другу. Здесь важным является выявление спектра различных ответов респондентов и их логики (о качественных социологических методах см., например: [9], [17–20]).

Опыт показал, что хорошими информантами для исследования РИ являются эксперты, представители местной культурной элиты – это учителя, краеведы, научные работники музеев, хранители исторических фондов, местные журналисты, работники библиотек, а также другие люди, искренне интересующиеся своим краем, его историей, культурным наследием и т.д. Как правило, именно эти носители идентичности способны наиболее полно отразить свою идентичность, сформулировать при этом необходимые характеристики, интересующие исследователя (такие характеристики оказываются емкими, точными, эмоционально и художественно осмысленными; невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина о сказках Арины Родионовны: «каждая есть поэма»). В отличие от подхода, развивавшегося В.Л. Глазычевым [3], мы не

отождествляем местную культурную элиту с лицами, «вошедшими во власть».

РИ в пограничьях

С 2008 года автором совместно с М.П. Крыловым проведен ряд полевых исследований в городах российско-украинского пограничья, в том числе при поддержке РГНФ (2012, 2013–2014). Была охвачена почти вся сеть исторических городов в пределах Брянской, Курской, Белгородской и отчасти Воронежской областей России, а также Левобережной Украины. Были разработаны специальные вопросники, по которым опрошено около 1 500 человек (вопросы анкеты см.: [6, 7]). Среди них были в основном эксперты и студенты вузов Киева, Нежина, Глухова, Сум, Харькова, Луганска и Курска.

Начав рассмотрение РИ как таковых, мы обратили внимание на значительное место этнических и этнополитических компонент, присутствующих в них. Эти компоненты, как позже было обнаружено, в пограничье России и Украины органично входят в состав РИ, дополняют ее, усиливая и выражая более отчетливо.

Это связано с тем, что территория российско-украинского пограничья сопряжена с несколькими культурными ядрами украинского этногенеза – с Гетманщиной и Слободской Украиной, с двумя историческими регионами, которые появились на исторической арене приблизительно в одно и то же время при активной роли украинского казачества.

К территории Гетманщины (Малороссии) до первой четверти XX века относилась западная часть Брянской области России, а к территории Слободской Украины – со стороны России – юго-западная часть Курской области (г. Суджа), большая часть Белгородской области (Грайворон, Белгород, Короча, Новый Оскол, Бирюч, Валуйки) и юго-западная часть Воронежской области (Острогожск, Россошь, Богучар, Кантемировка); со стороны Украины – юго-восточная часть Сумской области (Сумы, Ахтырка), Харьковская область и северная часть Луганской области (Ровеньки).

Формирование Гетманщины, в отличие от Слободской Украины, происходило к югу от бывшего Переяславского княжества в пределах Великого княжества Литовского на территории «Дикого поля». Во второй половине XVI века после Люблинской унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством, которые образовали федеративное государство Речь Посполитая, все южные земли Великого княжества Литовского, включая Левобережную Украину, были переданы непосредственно Польше (в то время как территория современной Беларуси оставалась в составе Литвы). Начался процесс усиленной колонизации. Казаков привлекли на службу, были созданы реестр казаков, а также казачьи полки. Вольными оставались только Запорожские казаки, концентрировавшиеся в Сечи, их было тогда совсем немного. Казачья гетманская верхушка, стремясь быть похожей на польских помещиков, очень скоро переняла панский образ жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями для местного населения. Многие горожане и сельские жители начали переселяться на еще малообжитые южные территории Московского государства, где им разрешили селиться с условием защиты южных рубежей. Так начала появляться Белгородская засечная черта и Слободская Украина в пределах России.

В то же время на Левобережной Украине вспыхнуло восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, охватившее не только Левобережную Украину, но и Правобережную Украину, а также районы нынешнего российско-белорусского Полесья. Военные действия, которые ненадолго закончились только после подписания Андрусовского мирного соглашения между Россией и Польшей в 1667 году (по которому, добавим, в состав России также вошел Смоленск), привели к еще большему оттоку местного населения на восток. Еще до окончания войны с Польшей в 1654 году был подписан известный Переяславский договор, по которому Гетманщина перешла под протекторат России.

Таким образом Слободско-Украинские полки и полки Гетманщины появились на карте тогдашней России. Разница состояла лишь в том, что Слободская Украина целиком формировалась в пределах России и управлялась назначаемым из Москвы белгородским воеводой. В то же время на момент присоединения к России Гетманщина представляла собой протогосударственное образование, которое сохраняло определенную степень автономии вплоть до конца XVIII века.

Слободская Украина в основном никогда не была автономной, но для местного населения продолжительное время существовали льготы, в частности на такой важный промысел, как винокурение, что способствовало сохранению здесь привычного для малорусского (или, как тогда называли, «черкасского») уклада жизни, даже несмотря на то что в колонизации Слободской Украины активное участие принимали выходцы из Центральной России.

Первая перепись населения 1897 года фиксировала довольно значительное количество малорусского населения в пределах уездов на территории бывшей Слободской Украины. В отдельных уездах, как, например, в Богучарском и Острогожском, его доля достигала 90%. Малорусское население учитывалось по разговорному языку в домашних хозяйствах.

Стоит отметить, что результаты этой переписи стали для Слободской Украины судьбоносными, поскольку их использовали в качестве весомого аргумента при подписании Брестского мира в 1918 году, провозглашении независимости Украины и проведении первых государственных границ с Россией. Обоснование особой исторической роли украинского населения в формировании Слободской Украины принадлежит видному в то время историку, профессору Харьковского университета Д.И. Багалю. Он полагал, что малорусское население в Слободской Украине всецело доминирует [1]. Этими же причинами, по-видимому, руководствовался гетман Украины П. Скоропадский, аннексировавший на короткое время значительную часть нынешней Курской и

Белгородской областей.

Следующая перепись населения 1926 года показала уже меньшее присутствие украинского населения, а по переписи 1959 доля украинцев в некоторых пограничных с Украиной регионах существенно сократилась, составив не более 4%. По официальным данным, доля украинцев до сих пор не превышает этого значения. Совсем недавно на страницах журнала «Этнографическое обозрение» была проведена дискуссия о достоверности переписей населения в части отражения этнического разнообразия.

Между тем очевидно, что малорусское население за такой короткий отрезок времени никуда не делось, но сменило свою этническую идентичность. Продолжительное пребывание в составе России, тесные контакты с русским населением привели местных жителей к осознанию своей причастности к русской культуре и русскому миру. Свидетельством этого, может служить известный факт активного сопротивления местных жителей, особенно в исторически украинизированной Воронежской области, попыткам проведения «советской украинизации».

Смена идентичности не стерла этнокультурные маркеры, продолжающие воздействовать, но уже на идентичность региональную. Например, таким маркером является специфический говор «суржик» [13], который представляет собой смесь бытового украинского и русского языка. Мы обратили внимание, проводя исследования с украинской стороны, что наравне с использованием слов, которых нет ни в русском, ни в украинском языке, население вплетает в речь отдельные то украинские, то русские слова. При этом соотношение их в территориальном отношении варьируется. Владение этим говором, в частности, до сих пор позволяло части жителей российской части Слободской Украины без проблем поступать в украинские вузы, преимущественно в харьковские, несмотря на то, что обучение и прием вступительных экзаменов ведется исключительно на украинском литературном языке.

Подобными маркерами являются также смешанные идентичности, например, «*я хохол, но русская в душе*» или «*русская хохлушка*». Кроме того, по местной инициативе в Острогожске на месте бывшего Майдана был установлен памятник на месте встречи гетмана Ивана Мазепы и Петра I, а в поселке Ровеньки Белгородской области около здания местной администрации – бюст Богдана Хмельницкого.

Такие маркеры способствуют более четкому восприятию специфики своей территории. В Белгородской области респонденты иногда с легкостью могли сказать, какие города «кацапские», а какие – «малорусские». Население западной части Курской области, примыкающей к Украине, ощущает сильные отличия от восточной части области, которая раньше была в составе Воронежской губернии, полагая при этом, что в соседних украинских городах живут их земляки. Похожая ситуация и в западной части Брянской области, но здесь все это как бы уравнивается тяготением к Беларуси.

В северо-западных районах Брянской области раньше фиксировалось значительное присутствие белорусов. Это, главным образом, Суражский, Мглинский и Красногорский районы. Известный исследователь этнограф Р.А. Григорьева на протяжении нескольких лет занимавшаяся изучением российско-белорусского пограничья с обеих сторон от границы, также неоднократно отмечала, что для населения Смоленской области характерно ощущение культурной дистанции между западными и восточными районами. В западных районах Смоленщины по-прежнему имеется значительное присутствие белорусской культуры (в пище, говорах, владении и понимании белорусского языка, в других бытовых особенностях). Она отмечает, что после 1991 года произошли сильные изменения в этническом самосознании. Население все чаще идентифицирует себя как русских, просто в силу того, что они живут в России [2]. То есть здесь этническая идентичность размывается за счет распространения именно гражданской идентичности.

Говоря о Псковской области, А.Г. Манаков [12] отмечает сокращение численности эстонского населения, которого по официальной статистике не более 5% в районах, присоединенных к области довольно поздно. Например, Печорский район на протяжении двух десятилетий, начиная с 1920 года, был в составе независимой Эстонии. В то же время еще, по крайней мере, 15 % населения этих районов помнит о своих эстонских корнях. Похожая ситуация в южных районах Псковской области (Себежском и Невельском), которые вошли в состав России только после первого раздела Речи Посполитой, а позже стали частью Витебской губернии. А.Г. Манаков также обращает внимание на сильные контрасты в региональной идентичности восточной, западной, южной и северной частей Псковской области.

Не совсем симметричная ситуация в белорусско-польско-литовском пограничье. Здесь основным идентификационным рубежом является граница между Западной и Восточной Беларусью. Западная Беларусь, как хорошо известно, наиболее долго была в составе Польши (до ее разделов, но и после, а в особенности после советско-польской войны, завершившейся Рижским мирным договором 1921 г.). Она вошла в состав тогдашней БССР только в 1939 году. В Западной Беларуси, особенно в Гродненской области, значительное влияние имеет польская культура. Усиливается это распространением католичества и униатства, которые довольно бесконфликтно сосуществуют с православием. Поляки считают эти территории исконно польскими. Например, города Вильнюс, Гродно и Каунас они по-прежнему называют Вильно, Гродно, Ковно. Былое польское присутствие ощущается даже в Пинске (Брестская область), находящемся достаточно далеко от польской границы.

Иная ситуация в карело-финском пограничье. После присоединения к СССР по Московскому мирному договору 1940 г. Суоярви, Сартавала и Лахденпохья, а со стороны Ленинградской области

Выборга, финское и ингермаланское население было почти полностью депортировано. Однако эти города во многом сохранили свой былой колорит и на местном уровне сформировалась идентичность, которая подпитывается финским историческим и культурным наследием. Через историческую и архитектурную уникальность этих территорий выстраивается региональная исключительность («финскость»), искусственно переносимая местными жителями на свою идентичность.

На основе полевых наблюдений для российско-украинского пограничья нами экспертно была составлена картосхема этнокультурного градиента [7], на которой отражены зоны по присутствию украинских и русских этнокультурных компонентов в РИ. Были учтены: историческая память; ассоциативно-эмоциональное и образное восприятие соседей; представления о своих корнях и об ареале проживания «земляков»; субъективная оценка этнокультурного облика местного населения; мнения о новых государственных границах и о целесообразности усиления двусторонних связей между Россией и Украиной; ощущения оказываемого давления со стороны соседних регионов России и Украины; интерпретации совместного прошлого; отношение к идее славянского единства и к разделению русской православной церкви; бытовое общение, связанное с использованием украинского языка или одного из вариантов русско-украинского диалекта (суржика); культурно-ландшафтные особенности и некоторые другие.

Поскольку в общем виде *проблема «русского» в Украине и «украинского» в России не является симметричной*, выявленный градиент содержит в себе элементы асимметрии, связанные с этнополитическими контекстами России и Украины, а также с особенностями проявления этнокультурной идентичности населения.

В российских регионах украинская культура в значительной степени смешалась с русской, однако подспудно продолжает сохраняться в самосознании и культурном ландшафте, воспроизводясь в

местных стереотипах поведения и бытовых практиках населения. В украинских регионах русская культура (общерусская культура) актуализирована в большей степени, чем украинская в России и фиксируется в ее общезначимых компонентах, таких как, например, предпочтение в использовании языка общения, активное восприятие России и поворотных событий в совместной истории, отношение к русской литературе.

Фиксируются контрасты в исторической памяти населения. В России позитивное, чувственное отношение к Украине (в разных аспектах) имеет большее распространение в пределах широкой полосы бывших Слободской Украины и Гетманщины. На территориях, непосредственно прилегающих к российско-украинской границе, наблюдается «всплеск» общероссийской идентичности, несколько ослабляющий эмоциональную связь с Украиной. Во внешнем по отношению к государственной границе поясе российско-украинского пограничья восприятие Украины менее чувственное, более рациональное, что связано со значительной (по сравнению с внутренним поясом) культурной дистанцией от Украины.

В Левобережной Украине более позитивное, нейтральное отношение к России нередко прослеживается во внутренних, по отношению к российско-украинской границе, районах. Для этих территорий характерна высокая ориентация на украинский (в том числе литературный) язык и украинскую автокефальную церковь (пример – Полтава). В то же время на периферийных территориях Левобережной Украины (характерный пример – Сумы) образ России пестрит разнообразием, часто встречаются негативные ассоциации. Это может быть объяснено, хотя бы отчасти, более острым восприятием «давления России» на Украину.

Заметны различия в исторической памяти отдельных городов. Отметим здесь лишь то, что особенно выделяется на общем фоне в прошлом сильно советизированный Луганск, в идентификационном отношении тяготеющий к промышленно-

му Донбассу, а также малороссийски ориентированный Чернигов, сохранивший многие элементы общерусской культуры.

Наиболее резкие контрасты, вполне ожидаемо, были обнаружены между Россией и Украиной. Они проявились в ассоциативном мышлении местного населения (таблица). Подобное характерно и для псковско-прибалтийского пограничья, где образы стран Балтии, Беларуси и России сильно отличаются друг от друга [12, с. 80].

Большое влияние на восприятие соседей оказывают этнополитические факторы, связанные с выбором определенных моделей национально-государственного строительства. Они служат для РИ очень значимым фоном, без учета которого нельзя в полной мере понять содержательную разницу и базисные реперы для местных идентичностей (об этнополитических контекстах для РИ в России и Ук-

раине см.: [5], [8]). В каждом регионе, в каждом городе Украины местные идентичности приобретают свой собственный этнополитический оттенок; даже в пределах культурно близких территорий Левобережной Украины этнокультурные и этнополитические контрасты значительны. В то же время в России (для русских территорий) региональные этнокультурные контрасты являются контрастами весьма высокого порядка, и региональная идентичность проявляется здесь, прежде всего, посредством множества тонких механизмов, интерпретация которых в аспекте региональной политической культуры достаточно проблематична. Так, например, иногда исследователи, вопреки историческим фактам, проводят тождество между южнорусскими территориями, покорностью начальству и т.н. «красным поясом». Однако это уже тема особого – другого обсуждения.

Ассоциации со словами-маркерами в Левобережной Украине и сопредельных регионах России

Регионы	Слова-маркеры	Распространенные ответы	Редкие ответы
Левобережная Украина	Россия	Соседнее государство, соседи, Москва, Кремль, Путин, газ	Друзья (дружба), сильная держава, богатство, тщеславие, «враг №1, империя зла», «агрессор», опасность, империализм, старший брат, матрешка, «азиатская страна», рабство, коррупция
	Советский человек	Прошлое, житель СССР, рабочий, бедность, гордость	Ностальгия, воспитание, коммунизм, стандарт, однотипность, зомби, серость, «совок», стабильность, «правильный, но...», очередь в магазине, Брежнев
	Малороссия	Украина, оскорбление («намерение говорящего унижить, доказать его неполноценность»), старый русский термин	Незнание истории, история, «петровская дурость», «невольная жизнь», автономия, Украина-Русь, несправедливый поворот истории
	Слобожане	Жители восточных регионов Украины (Слобожанщины), украинцы («они тоже украинцы»), мы	«Наш край», «прихвостни России», предатели и «рenegаты», граница, сброд
Россия	Россия	Родина, страна, гордость, империя, нищета («... в богатейшей стране»)	Москва, Путин, коррупция, русские
	Советский человек	Труженик, житель СССР, гордость, интеллигент, скромность, ностальгия	«Не вернешь», бедность, КПСС, Брежнев, майская демонстрация, «живущий прошлым»
	Украина	Соседи, сало, Киев, Гоголь, Тарас Бульба	Шевченко, культура, славяне, граница, Тимошенко

Библиографический список

1. *Багалій Д.І.* Історія Слободської України. – Харків: Союз, 1918. – 308 с.
2. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование / Отв. ред. *Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова*. – М.: изд-во РУДН, 2005. – 378 с.
3. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия 2002–2003. – М.: Новое издательство, 2003.
4. *Гриценко А.А.* Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). – М.: Эслан, 2009. – С. 355–364.
5. *Гриценко А.А.* Региональная идентичность в пограничье Украины и России: этнополитические контексты и местные факторы // Феномен культуры в российской общественной географии (экспертные мнения, аналитика, концепты). – М.: ИГ РАН; Ростов-н-Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – С. 452–470.
6. *Гриценко А.А., Крылов М.П.* Провинциальное пространство России и Украины: этнокультурное поле и трансформация идентичностей (методологические подходы) // Российская глубинка – модели и методы изучения: сб. статей. – М.: Эслан, 2012. – С. 72–90.
7. *Гриценко А.А., Крылов М.П.* Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 126–140. URL: <http://www.gumgeo.ru/>
8. *Гриценко А.А., Крылов М.П.* Идентичность и политика сквозь призму украинского государственного строительства / Современное состояние и перспективы внутривосточного развития Украины: основные сценарии // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 9. – С. 99–101.
9. *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – 256 с.
10. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.
11. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый Хронограф, 2010.
12. *Кувенева Т.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 77–84.
13. *Курохтина Т.Н.* К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение. – 2012. – № 3. – С. 93–101.
14. *Сикевич З.В.* Русские: образ народа. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1996.
15. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. – С. 108–115.
16. *Татевосов Р.В.* География населения. – М.: МНЭПУ, 1999.
17. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле. – СПб.: Алетейя, 2009. – 148 с.
18. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.
19. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.
20. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.

**REGIONAL IDENTITIES ALONG THE WEST BORDERS OF RUSSIA:
THE ROLE OF HISTORY, POLITICS AND POSITIONAL BACKGROUNDS**

A.A. Gritsenko

The paper discusses the questions concerning exploring regional identities in Russia and especially in Russian western borderlands. It gives a short narrative about the author's approach and methodological problems of studying regional identities along the Russian border. The deep interference of factors and backgrounds is illustrated on the results of the conducted research.

Keywords: regional identity, borderlands, Russia, Ukraine, Belarus.

Сведения об авторе

Гриценко Антон Алексеевич, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии РАН, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., 29; e-mail: antohaha@yahoo.com, antgritsenko@gmail.com

Материал поступил в редакцию 25.09.2014 г.